

Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ.

IV *).

Такимъ образомъ предметное, безвольное, безкорыстное и безстрастное знаніе говоритъ мнѣ не о внутреннемъ *существовѣ* предмета, но лишь о томъ, какъ онъ опредѣляется внѣшними отношеніями къ тому, что внѣ его; оно говоритъ лишь о томъ, чего *не можетъ не быть* для мысли въ данныхъ условіяхъ опыта или построенія, но отнюдь не о томъ, что внѣ этихъ условій, само по себѣ для мысли есть и положительно должно быть. Это знаніе есть по существу своему и феноменальное и условное и, какъ мы видѣли, подчинено основнымъ началамъ механическаго міровоззрѣнія. Полагая въ этомъ знаніи свой предметъ внѣ себя и отъ своего собственнаго бытія независимымъ, познающій субъектъ никогда не доходитъ здѣсь до того внутренняго единенія съ предметомъ, которое составляетъ содержаніе знанія *мистическаго*. Ничего мистическаго въ знаніи феноменальномъ, предметномъ нѣтъ и не должно быть; какъ нѣтъ и не должно быть въ немъ ничего вольнаго и страстнаго, пока оно остается вѣрно своему основному предположенію. Предположеніе это состоитъ, какъ мы видѣли, въ принятіи мыслию внѣшней и по своему внутреннему существу безотносительной къ познающему субъекту предметности, познаваемой, уясняемой мыслию лишь изъ изслѣдованія разныхъ проявленій, внѣшнихъ отношеній, постепенно и по частямъ.

*) Окончаніе. См. кн. 13.

Все-ли наше знаніе таково? Все-ли, что мы дѣйствительно *знаемъ*, и что намъ жизненно-необходимо знать, дано нашей мысли подъ этимъ предположеніемъ, подъ условіемъ внѣшней и безотносительной къ намъ предметности, познаваемой нами только *a parte post*, по частямъ, во внѣшнемъ явленіи, феноменально и критически?

Очевидно, нѣтъ. Очевидно, не подъ этимъ условіемъ даны намъ наше собственное существо, наше собственное *я*, наша собственная *воля*, въ такъ или иначе сознаваемыхъ, вѣдомыхъ намъ актахъ которой состоитъ вся наша умственная, нравственная, социальная и даже частію физиологическая жизнь. Не подъ этимъ условіемъ даны мысли и движущія причины, *конечныя цѣли*, реализуемая волею въ ея актахъ, *начала* и *идеалы*, составляющіе (въ другой формѣ) ея существо. Все это мы знаемъ несомнѣнно, болѣе или менѣе ясно и отчетливо, но всегда съ отгѣнкомъ *страстности* и непоколебимой увѣренности. Все это мы знаемъ и не изъ постепенно накопляемыхъ сознательною работою мысли внѣшнихъ отношеній, опредѣленій, но именно *по существу*, имѣя здѣсь очень ясное *cognitio rei*, хотя бы и вовсе отсутствовали всякія *общія* опредѣленія изъ общихъ условій и отношеній, всякое *cognitio circa rem*. Все это мы знаемъ и не можемъ не знать именно прежде всего по существу, внутренне и независимо отъ какихъ-либо предположеній, сомнѣній, доказательствъ, построеній и т. п., но *непосредственно* и *a parte ante*, до всякихъ изслѣдованій и доказательствъ. Безъ такого непосредственнаго знанія *a parte ante* о нашемъ собственномъ внутреннемъ мірѣ была бы невозможна и воля, реализующая его идеальное содержаніе въ своихъ актахъ, не было бы и *я*, сознающаго что-либо внѣшнее, какой-либо предметъ только черезъ посредство этого знанія. И все это знаемъ мы не какъ нѣчто внѣшнее и безотносительное, но какъ самое внутреннее существо собственнаго бытія нашего. Въ этомъ знаніи дано единство знающаго *я* съ тѣмъ существеннымъ, что жизнь его реализуетъ вовнѣ и даетъ ему переживать идеально, въ сознаніи, — тутъ есть, слѣдовательно, элементъ мистическій.

Этихъ предметовъ не внѣшняго и не безвольнаго, бездѣйствительнаго и безстрастнаго знанія наша мыслящая воля (или волящая мысль) не можетъ признать или не признать за дѣйствительно-сущіе, какъ не можетъ она признать сущее или отрицать самое себя. Но къ нимъ она и не можетъ относиться внѣшне, индифферентно, безвольно и безстрастно, какъ должна относиться къ предметамъ своего феноменальнаго знанія внѣшней предметности. Наконецъ ея признаніе ихъ, знаніе о нихъ по существу, не будучи результатомъ намѣренной и болѣе или менѣе напряженной умственной работы, и не *вынуждается* у мысли одной неустранимостью, неизбѣжностью факта или „геометрической необходимостью“ логическаго построенія. Мысль не можетъ и не должна относиться къ этимъ предметамъ своего внутренняго міра (въ числѣ которыхъ находится и она сама) *отрицательно* въ ихъ непосредственности, до понужденія къ ихъ признанію неустранимою логикой доказательства, какъ она можетъ и должна относиться къ непосредственнымъ представленіямъ о внѣшнемъ предметѣ въ предметномъ знаніи. Согласіе мысли съ своимъ внутреннимъ предметомъ (съ самой собою, съ движущей ее волею и чувствомъ) естественно и необходимо есть *охотное согласіе* Григорія Богослова; признаніе его—признаніе самой себя, не вынужденное, *но свободное*.

Въ этомъ знаніи существа предмета, устанавлиаемаго не постепенно, по частямъ, путемъ критики и построенія, но изначальнаго,—знаніи не безвольномъ и безстрастномъ, не чуждомъ мистическаго начала, признаваемомъ мыслию не вынужденно, но по „охотному согласію“, свободно,—даны всѣ существенные признаки и того умственнаго состоянія, которое называется *вѣрою* въ отличіе отъ феноменальнаго, критическаго знанія. Это состояніе *есть*; все несомнѣнно дѣйствительное знаніе субъекта о себѣ самомъ содержится въ этихъ состояніяхъ, и поэтому гносеологія не можетъ игнорировать его признаковъ, указанныхъ нами сейчасъ въ общихъ чертахъ, или отрицать ихъ, иначе она игнориро-

вала бы цѣлую половину всего дѣйствительнаго знанія, — половину существеннѣйшую, важнѣйшую не только практически; но и теоретически.

Разсмотримъ ближе нѣкоторые изъ признаковъ знанія познающаго субъекта о себѣ самомъ.

Знаніе это черпается имъ исключительно изъ внутренняго міра, даннаго *внутреннему опыту*, и никакое знаніе внѣшнихъ мысли объектовъ, ихъ внѣшнихъ отношеній и *общихъ* опредѣленій по этимъ отношеніямъ, къ этому знанію ничего прибавить не можетъ. Въ мірѣ объектовъ мысли, въ области знанія отвлѣ, феноменальнаго, какъ мы уже говорили выше, по его логическимъ условіямъ нѣтъ и не должно быть ничего внутренняго, ни о какомъ субъектѣ они ничего не могутъ и не должны говорить мысли: ихъ царство—царство мертваго механизма. Но внутренній міръ отличается отъ міра мертвыхъ объектовъ двумя очень существенными чертами: онъ данъ и несомнѣнно вѣдомъ только самому его обладателю въ своей индивидуальности, и никому другому, т.-е. *отвлѣ* и черезъ общія, отвлеченныя опредѣленія прямо не данъ и непознаваемъ; а затѣмъ—своему обладателю онъ *необходимо* данъ и не можетъ быть невѣдомъ, какъ могутъ быть невѣдомы всѣмъ или многимъ людямъ тѣ или другіе возможные объекты предметнаго міра, намъ—многое такое, что будетъ извѣстно нашимъ потомкамъ и т. п. О своей мысли, своемъ чувствѣ и волѣ не можетъ не знать—и не знаетъ несомнѣнно—существо мыслящее, чувствующее и волящее, какъ можетъ оно не знать тѣхъ или другихъ явленій природы, событій исторіи. Отъ этого своего внутренняго, субъективнаго знанія, въ его полномъ объемѣ, сознающее себя *существо* укрыться, убѣжать не можетъ, какъ можетъ оно намѣренно или случайными условіями жизни быть отчасти или вполнѣ отчужденнымъ отъ той или иной области объектовъ. Никакихъ *спеціальныхъ* условій не требуется осуществить ему для того, чтобы имѣть внутреннее, субъективное знаніе,—нужно только *быть субъектомъ*; тогда какъ для того, чтобы ему были даны и вѣдомы тѣ или иные объекты, не связанные по

существо съ его субъективнымъ бытіемъ, ему необходимо стать въ особыя спеціальныя условія личнаго опыта, преда-нія, наученія отъ другихъ и т. д. Поэтому, съ одной сто-роны, область субъективнаго, внутренняго знанія, въ отли-чіе отъ предметнаго, объективнаго знанія, вѣчно измѣня-ющагося отъ прибавленія новыхъ фактовъ и свѣдѣній, пред-ставляетъ нѣчто *цѣльное, законченное, неизмѣнно определенное* по своимъ границамъ. Здѣсь невозможны совершенно новыя открытія или неожиданныя изобрѣтенія, какъ въ мірѣ объ-ектовъ, и древній Гомеръ или средневѣковый Дантъ не мень-ше и не хуже знали внутренній, субъективный міръ, чѣмъ будетъ знать его какой-нибудь новый Гумбольдтъ двадцать пятаго вѣка. Поэтому же, съ другой стороны, внутреннее, субъективное знаніе, по своей полнотѣ, достовѣрности и глубинѣ нисколько не зависитъ отъ внѣшнихъ и случайныхъ различій людей въ широтѣ и разнообразіи внѣшняго опыта, въ жизненномъ положеніи, степени и направленіи теоретиче-скаго образованія, даже въ умственныхъ дарованіяхъ. Людямъ простымъ, неученымъ, рабамъ и нищимъ это внутреннее зна-ніе, *мудрость*, столь же доступно, какъ и людямъ властнымъ, богатымъ и съ высокимъ научнымъ образованіемъ. Первымъ оно даже *болѣе* доступно, именно потому что болѣе ограж-дено у нихъ отъ помутненія его и смущенія разнорѣчащими знаніями теоретическими, которыя всегда доступны коле-баніямъ сомнѣнія, никогда не бывають закончены и гарап-тированы отъ замѣны ихъ лучшими и болѣе полными зна-ніями. Эта-то ничѣмъ отвнѣ не смущаемая, непобѣдимая въ довѣрїи къ своему внутреннему достоянію, самодовлѣющая недоступность сомнѣнію внутренняго знанія челоуѣка о себѣ самомъ, о началахъ своей внутренней жизни, и составляетъ то, что называется „чистымъ сердцемъ“ и „простымъ серд-цемъ“, и что справедливо почитается условіемъ мудрости (и, какъ увидимъ, религіознаго настроенія).

Очевидно, что эта простота и чистота сердца у людей не-образованныхъ, въ научномъ отношеніи—младенцевъ, нахо-дится въ ббльшей безопасности, чѣмъ у людей, важнѣйшіе

интересы мысли которыхъ сосредоточены въ области предметнаго, теоретическаго, критическаго знанія, людей властныхъ и богатыхъ, хотя, конечно, доступны онѣ и послѣднимъ при *большой энергіи и страстности* внутренней жизни. Очевидно также и то, что цѣльное, несомнѣнное, законченное въ себѣ и не зависящее отъ случайныхъ, внѣшнихъ различій опыта субъективное знаніе, несмотря на свою индивидуальность, замкнутость въ себѣ, безъ сравненія болѣе годно стать основою, почвою для *единого, общаго встѣмъ безъ различій людямъ воззрѣнія* на міръ и человѣка, чѣмъ вѣчно незаконченное знаніе критическое, предметное, феноменальное. Въ области послѣдняго, въ области „*научныхъ міровоззрѣній*“, чѣмъ выше достигнутая человѣчествомъ ступень развитія, тѣмъ многообразнѣе, рѣзче, непримиримѣе разнорѣчіе взглядовъ, тѣмъ болѣе каждый изъ нихъ возбуждаетъ сомнѣній, вопросовъ, не поддающихся общему несомнѣнному рѣшенію. Разнообразіе здѣсь только возрастаетъ и должно возрастать по той простой причинѣ, что, будучи плодсмъ критической намѣренной работы лицъ, поставленныхъ въ различныя условія опыта, „научныя“ міровоззрѣнія необходимо становятся тѣмъ различнѣе, чѣмъ большее число этихъ разнообразныхъ условій участвовало въ ихъ созиданіи. Вся исторія человѣческой науки свидѣтельствуетъ объ ея переходѣ отъ начальнаго единства къ возрастающимъ различіямъ и, слѣдовательно, о тщетности надежды О. Конта — построить единое, общее всему человѣчеству міровоззрѣніе на почвѣ критической, феноменальной науки, — или надежды его послѣдователей, въ родѣ П. Каруса, — построить на этой почвѣ единую „научную религію“. Дѣйствительную почву для единого общечеловѣческаго міровоззрѣнія или для объединяющей различныя умственные міры религіи можетъ дать не предметная, критическая наука, но лишь внутреннее, субстанціальное знаніе субъекта о самомъ себѣ.

Это послѣднее знаніе есть, — въ отличіе отъ критическаго, предметнаго, — знаніе *непосредственное*. Дѣйствительность и необходимость какого-либо непосредственнаго знанія для

того, чтобы было возможно какое-либо знаніе вообще, признается всѣми безъ исключенія философами, останавливающимися передъ этою задачей. Вопросъ только въ томъ,—и только этотъ вопросъ нѣкоторые изъ философовъ и признаютъ неразрѣшимымъ,—въ чемъ именно состоитъ это непосредственное знаніе, гдѣ его искать и по какимъ признакамъ убѣдиться, что найденное нами есть дѣйствительно искомое непосредственное знаніе? Мы знаемъ, говоритъ даже такой представитель феноменизма, какъ Джонъ Ст. Милль, „нѣкоторыя вещи непосредственно или интуитивно. Очевидно, что мы вынуждены къ этому, если знаемъ что-либо вообще, ибо все, что мы знаемъ посредственно зависитъ по своей достовѣрности отъ нашего предшествующаго знанія о чемъ-либо другомъ; поэтому если бы мы не знали чего-либо непосредственно, мы не могли бы знать чего-либо и посредственно, т.-е. не могли бы знать ничего вообще“ *). Отсюда и необходимость принимать нѣкоторыя недоказуемыя начала и положенія въ основаніи всякой науки, принимать ихъ непосредственно, на вѣру, хотя бы и только условно, для того чтобы изслѣдованіе и знаніе въ данной области было возможно. Эта необходимость недоказуемыхъ далѣе основаній всякой цѣпи доказательствъ, *положительныхъ* началъ всякаго рациональнаго знанія, признаваемая еще съ Аристотеля (и ранѣе), и легла въ основу противоположенія вѣры знанію, часто встрѣчающагося и у отцевъ церкви (наприм., у Климента Александрійскаго) и вѣрнаго по существу, хотя и не исчерпывающаго всего вопроса.

Но гдѣ, въ какой области искать не условно только, но дѣйствительно непосредственнаго знанія? Очевидно, не въ области нашихъ воспріятій внѣшняго міра, представленій и понятій. Все это, хотя и непосредственно сознается со своимъ готовымъ содержаніемъ въ сознаніи, стоящемъ на соотвѣтствующей ступени развитія, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается чрезвычайно сложными и въ высшей сте-

---

*) Examin. of the philosophy of sir W. Hamilton. стр. 157.

пени опосредствованными продуктами безчисленныхъ предшествующихъ работъ души. Все это опосредствовано и другими воспріятіями, представленіями, понятіями, и незамѣтно всюду примѣшивающимися ассоціаціями, и—*въ основѣ всего— дѣятельными чувствами* (усилія, напряженія) мускульными, сопровождающими дѣятельности апперципирующаго вниманія и т. п. Если тутъ есть что-либо непосредственно вѣдомое, то единственно эти *дѣятельныя чувства*, акты самого воспринимающаго, строяющаго представленія субъекта, лежащія въ основѣ всего міра его воспріятій и представленій. Когда эти послѣдніе уже построены, содержаніе ихъ уже опредѣлилось, нуженъ тщательный анализъ психолога или психофизиолога для того, чтобы выдѣлить изъ этого содержанія непосредственныя дѣятельныя чувства субъекта, выдѣлить, наприм., изъ всего содержанія, повидимому, совершенно непосредственнаго и недѣятельнаго зрительнаго воспріятія то, что въ него вносится мускульными чувствами (видѣніе контуровъ, разстояній, глубины etc.). Но ничѣмъ неопосредствованнымъ, все посредствующимъ и основнымъ окажется въ концѣ концовъ всегда только это чувство дѣятельности субъекта. Непосредственныя чувства своей дѣятельности (усилій, напряженій) для субъекта составляютъ основу самого сознанія имъ той *границы*, встрѣчаемаго его дѣятельностью *сопротивленія*, которыми утверждается для него нѣчто *внѣшнее*, независимое отъ него и его ограничивающее, къ которому онъ и относитъ показанія своихъ внѣшнихъ чувствъ и чувствъ, возбуждаемыхъ состояніями его тѣла, какъ показанія о чемъ-то внѣшнемъ сознанію, *вещественномъ*. На это чувство ограниченія дѣятельности, сопротивленія ей, сводится въ концѣ концовъ все представленіе вещественности вообще; а это чувство ограниченія своей дѣятельности, очевидно, уже предполагаетъ чувство самой дѣятельности (усилія), т.-е. этимъ послѣднимъ опосредствовано. Дѣятельныя чувства и въ этомъ отношеніи оказываются единственнымъ непосредственно вѣдомымъ субъекту во всемъ содержаніи его знанія. Они же состав-

ляютъ и единственное *специфическое* содержаніе его знанія о себѣ, какъ о субъектѣ, знанія внутренняго.

Въ области внѣшняго опыта, какъ такого, нѣтъ ничего, аналогичнаго усилю, дѣятельной волѣ: въ ней нѣтъ и никакихъ знаній о субъектахъ, о внутренно, изъ себя опредѣляющемся, но даны лишь объекты и ихъ отношенія, массы и ихъ измѣняющіяся положенія, движенія въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, измѣняющія эти внѣшнія отношенія, при неизмѣнности суммы массъ и энергій—ничего болѣе. Поэтому для міровоззрѣнія, которое строилось бы исключительно на почвѣ объективной мысли, внѣшняго опыта, не существуетъ, какъ я старался выяснить въ другомъ мѣстѣ („Къ вопросу о свободѣ воли“), ни дѣятельной воли, ни ея свободы, ни дѣйствительнаго субъекта,—ничего внутренняго. Все это, если и не отрицается имъ вовсе, то по крайней мѣрѣ обязательно игнорируется, пока оно вѣрно требованіямъ *только объективной мысли*. Если есть вообще какое-либо непосредственное знаніе о субъектѣ, то оно состоитъ лишь въ знаніи его о себѣ, какъ дѣятельномъ, усиливающимся, напрягающемся. Какъ субъекта, т.-е. *субстанціально*, знаетъ себя мыслящее существо лишь какъ *дѣятельную волю*. Это—единственное знаніе и непосредственное, и субстанціальное, и всеобщее при всей своей индивидуальности.

Это же знаніе, по предмету и источнику субъективное, индивидуальное, есть и единственное безусловно *достоверное*, не допускающее никакихъ сомнѣній и колебаній. Отрицаніе здѣсь немыслимо не только для практической, дѣятельной воли (которая, какъ такая, можетъ только утверждать себя самымъ своимъ актомъ), но и для непосредственно знающей о волѣ мысли, ибо, отрицая достоверность показаній непосредственнаго сознанія, мысль отказалась бы отъ основанія всякой достоверности вообще, отъ всякаго достовернаго посредственнаго знанія въ какой бы то ни было области. „Вердиктъ непосредственнаго сознанія“, говоритъ Д. С. Милль (тамъ же, стр. 158), „иными словами наше непосредственное или интуитивное убѣжденіе, со всѣхъ сторонъ при-

знается за рѣшеніе безъ возможной апелляціи“. „Внутренній фактъ“, продолжаетъ онъ дальше (стр. 172), „чувство въ нашемъ сознаніи никогда не подвергалось сомнѣнію, ибо сомнѣваться здѣсь значило бы сомнѣваться, что мы чувствуемъ то, что чувствуемъ..... Отрицаніе почти всегда касалось того, что непосредственное сознаніе свидѣтельствуется о томъ-то, но не того, что, когда это свидѣтельство дѣйствительно дано, ему *должно вѣрить*“. Вопросъ такимъ образомъ для насъ состоитъ лишь въ томъ, дѣйствительно-ли сознаніе свидѣтельствуется субъекту о его дѣятельной волѣ, и есть ли это знаніе его о своей дѣятельной волѣ *непосредственное знаніе*, не основанное на какомъ-либо другомъ знаніи, производное? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очевиденъ: если безъ непосредственнаго знанія нѣтъ никакого знанія вообще, а непосредственное знаніе лежитъ лишь во внутреннемъ знаніи субъекта о себѣ, то знаніе субъекта о себѣ, какъ дѣятельной волѣ, будучи *единственнымъ знаніемъ специфически-субъективнымъ* (не почерпаемымъ изъ области объективной, феноменальной, сплошь опосредствованной мысли), и есть единственное искомое и необходимое непосредственное знаніе. Что оно не только необходимо, но и *дѣйствительно* имѣется налицо, — ясно изъ того, что нѣкоторое субъективное знаніе о субъектѣ несомнѣнно *есть* у насъ, но состоятъ оно можетъ только въ знаніи о немъ, какъ дѣятельной волѣ *).

Наконецъ, это внутреннее, субъективное, индивидуальное и въ то же время всѣмъ познающимъ существамъ безъ различія равно данное, непосредственное и безусловно-достоувѣрное знаніе есть, какъ мы уже ранѣе указывали, знаніе не феноменальное, но *субстанціальное*. Оно имѣетъ предметомъ своимъ, какъ и всякая вѣра въ собственномъ смыслѣ (а не одна только вѣра религіозная), самого *субъекта, существо*, въ которое вѣрятъ, но не его внѣшнія отноше-

---

*) Критерій, по которому узнается дѣйствительно непосредственное въ знаніи, оказывается такимъ образомъ вовсе не такъ недостижимо-глубоко и навсегда скрытымъ отъ насъ, какъ полагалъ Джонъ Стюартъ Милль.

нія, отдѣльныя проявленія, или ихъ являющійся порядокъ, какъ знаніе предметное. Если вѣра и выражается иногда въ увѣренности, что наступитъ такое-то событіе, или извѣстное лицо поступитъ такъ, а не иначе, то въ основѣ этой увѣренности, касающейся міра внѣшнихъ явленій, всегда лежитъ увѣренность въ тѣхъ *внутреннихъ* свойствахъ производящихъ событія силъ или совершающаго поступокъ лица, которыя себя проявляютъ. Это всегда—въ концѣ концовъ — вѣра во внутреннее существо проявляющагося такъ или иначе субъекта, а не въ его внѣшнее проявленіе, какъ такое, само по себѣ. И св. Писаніе, говоря о чудесахъ, какъ объ одномъ изъ средствъ, возбуждающихъ въ ихъ свидѣтеляхъ вѣру или подтверждающихъ эту вѣру, цѣлью совершенія чуда всегда представляетъ не усиленіе вѣры въ совершеніе какого-либо явленія самого по себѣ (хотя бы и очень желательнаго для нашихъ практическихъ нуждъ), но усиленіе вѣры въ Существо, совершающее чудо. И для св. Писанія, какъ и для естественнаго сознанія, вѣра относится не къ внѣшнему явленію, но къ внутреннимъ свойствамъ проявляющагося существа,—она всегда субстанціальна.

Оно и не можетъ быть иначе, если въ познаніи субъекта, какъ *дѣятельной воли*, состоитъ вообще все внутреннее, непосредственное знаніе о субъектахъ вообще. Феноменальное знаніе однихъ внѣшнихъ проявленій воли, какъ ни былъ бы длиненъ, полонъ и разнообразенъ рядъ этихъ проявленій и ихъ порядковъ,—никогда не даетъ знанія о самой дѣятельной волѣ, какъ такой. Если воля, составляющая существо субъекта, непосредственно и всеобще сознается, какъ дѣятельная, производящая, словомъ *творческая воля*, то ея существо, какъ творческой, производящей, никогда не покрывается ни однимъ изъ ея проявленій, ни какимъ угодно множествомъ ихъ. Она всегда глубже, больше по содержанию своему, чѣмъ все произведенное ею, получившее отъ нея свое бытіе. Иначе, если бы она *вполнѣ* вылилась, воплотилась въ послѣднемъ, то перестала бы быть творческою, дѣятельною и обратилась бы въ мертвое, лишен-

ное внутренней жизни явленіе, перестала бы быть субъектомъ. Какъ дѣятельная, производящая, воля есть по существу своему *стремленіе*, начала котораго и концы, корень и вершина *выходятъ за предѣлы* всякаго отдѣльнаго опытнаго проявленія и любого ряда опытныхъ проявленій своихъ. Составляя содержаніе всеобщаго непосредственнаго субъективнаго знанія, даннаго внутреннему опыту, она тоже непосредственно указываетъ ему на выходящій за предѣлы всякаго возможнаго опыта, *трансцендентный* характеръ своего существа, на міръ сверхопытныхъ, *трансцендентныхъ началъ и конечныхъ цѣлей* того, что каждый сознаетъ въ себѣ, какъ самое свое внутреннее бытіе. Съ этимъ непосредственнымъ признаніемъ начала *творческой, дѣятельной* воли, какъ существа субъекта, и *implicite* заключающимся въ немъ признаніемъ міра трансцендентныхъ, лежащихъ внѣ всякаго опыта и всякой *феноменальности началъ и конечныхъ цѣлей*, знаніе субъекта о себѣ, внутреннее, субстанціальное и безусловно достовѣрное, становится и естественною, обще всѣмъ знающимъ о себѣ существамъ почвою, на которой вырастаютъ вѣрованія въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. *вѣрованія религіозныя*. Безъ признанія *творческой воли* и слѣдовательно ея *трансцендентнаго источника*, начала, смысла и цѣли—религіозное вѣрованіе вообще невозможно; тамъ же, гдѣ эти условія налицо (а даны они въ общечеловѣческомъ внутреннемъ сознаніи, лежащемъ также въ основѣ и всякой объективной, феноменальной мысли), тамъ существуютъ и условія и потребность религіознаго вѣрованія, религіознаго наученія. Душа, знающая о себѣ въ этомъ непосредственномъ, внутреннемъ знаніи, является, повторяя извѣстное выраженіе Тертуллиана, отъ рожденія, по природѣ религіозно-настроенной, какъ по природѣ же она и метафизична.

V.

Выясненныя нами въ предшествующемъ бѣгломъ очеркѣ характерныя черты знанія предметнаго, феноменальнаго и внутренняго, субстанціальнаго знанія субъекта о себѣ на

столько рѣзки и глубоки, полагають между этими двумя областями мысли, изъ которыхъ слагается весь познаваемый и мыслимый человѣкомъ міръ, такое коренное, неизгладимое различіе, такую полную *несоизмѣримостъ*, — что является невозможнымъ уже говорить о какой-либо замѣнѣ одной области другою, о переходѣ одной въ другую, о несущественности ихъ раздѣленія. Знаніе субстанціальное и знаніе феноменальное, знаніе непосредственное о субъектѣ и посредственное знаніе отвнѣ о предметѣ — различны между собою *существенно*, различны и по значенію своему въ цѣломъ строѣ мысли, и объективно — по содержанію своему, и субъективно — по субъективнымъ условіямъ, въ которыхъ осуществляется познающая мысль въ той и въ другой области. Это существенное различіе устанавливаетъ столь же неизгладимое и глубокое различіе — и по назначенію, и по содержанію, и по формальнымъ условіямъ — между критическимъ, предметнымъ, феноменальнымъ знаніемъ общихъ законовъ единообразія въ сосуществованіи и послѣдованіи явленій съ одной стороны, и *религіозною вѣрою*, вырастающей на почвѣ непосредственнаго, субстанціальнаго знанія субъекта о себѣ — съ другой. Различіе это въ сущности сводится всецѣло къ различному положенію, занимаемому *волею* въ той и другой области познающей мысли, различному отношенію послѣдней къ волѣ въ этихъ двухъ областяхъ. Это различное положеніе воли и различное отношеніе къ ней познающей мысли въ знаніи феноменальномъ и субстанціальномъ (куда относится и религіозная вѣра) одинаково опредѣленно и ясно открывается намъ, посмотримъ-ли мы на эти два рода знанія со стороны ихъ *содержанія* (объективной), или ихъ *субъективныхъ условій*, или ихъ *значенія*.

Что со стороны *содержанія* различіе между знаніемъ предметнымъ и знаніемъ о субъектѣ сводится всецѣло къ различію знанія или незнанія о волѣ, совершенно очевидно для насъ, разъ мы признали, что все знаніе субъекта о себѣ по существу есть именно прямое и непосредственное знаніе о себѣ, какъ о дѣятельной волѣ, тогда какъ предмет-

ное знаніе ни непосредственно, ни посредством *ничего* не знаетъ ни о какой дѣятельной волѣ и ничего о ней по своимъ основоположеніямъ не можетъ и не должно утверждать. Для него въ познаваемомъ, только внѣшнемъ и только отвлѣ доступномъ предметѣ не должно быть ничего внутренняго, никакого субъекта, дѣятельной воли: это знаніе, оставаясь послѣдовательнымъ, можетъ мыслить міръ своихъ предметовъ лишь какъ міръ бездушнаго, мертваго механизма. Міръ субъекта, внутренне и непосредственно познаваемый, не мыслимъ, лишенъ содержанія безъ дѣятельной воли, и все основное специфическое содержаніе знанія объ этомъ мірѣ есть знаніе его существа, какъ *дѣятельной воли*. Безъ послѣдней нѣтъ и субъекта и самаго внутренняго міра.

А дѣятельная воля, какъ мы видѣли, какъ такая, заключаетъ въ сознаніи о себѣ непосредственное указаніе на непокрываемые и неисчерпываемые никакими проявленіями ея, *трансцендентные* начало ея и конецъ. Какъ трансцендентное начало дѣятельной воли и трансцендентная конечная цѣль ея, они необходимо мыслимы не иначе, какъ въ смыслѣ *безусловной* (внѣ условій опыта), *трансцендентной творческой воли* и *безусловной же* (неосуществляемой въ мірѣ опыта, имъ ни утверждаемой, ни опровергаемой) *конечной цѣли дѣятельной воли*. Не зная въ своемъ опытѣ отвлѣ и по общимъ внѣшнимъ отношеніямъ никакой дѣятельной воли вообще или чего-либо ей аналогичнаго, предметная, феноменальная мысль не содержитъ и никакихъ указаній на трансцендентную безусловную творческую волю и безусловный, трансцендентный *идеаль* ея. Она не знаетъ и не можетъ знать ни того метафизическаго, ни того этическаго опредѣленія трансцендентнаго высочайшаго *существа*, въ которыхъ дается естественная основа богопознанія и религіознаго вѣрованія для всякой мысли, не ограничивающейся однимъ феноменальнымъ, предметнымъ знаніемъ, но познающей своего субъекта и субстанціально, какъ дѣятельную волю. Если бы не было послѣдняго, субстанціальнаго внутренняго знанія (что, конечно, невозможно, ибо оно всякому мыслящему существу,

какъ мы видѣли, присуще, хотя и можетъ имъ оставляться безъ надлежащаго вниманія, безъ признанія его дѣйствительнаго значенія и т. п.), то не было бы у человѣчества и всеобщей естественной основы богопознанія и почвы для религіознаго вѣрованія. Тамъ же, гдѣ есть внутреннее, субстанціальное знаніе, гдѣ признается и дѣятельная воля, и метафизическое опредѣленіе высшаго трансцендентнаго Существа, какъ безусловной трансцендентной Воли, и этическое—какъ безусловной нравственной цѣли,—тамъ есть налицо и тѣ два существенныя, основныя *естественныя* условія религіозной вѣры, которыхъ не премѣнно требуетъ отъ вѣрующаго ученіе Христа и Христовой церкви *).

Оба эти опредѣленія трансцендентнаго высшаго Существа,—и метафизическое (какъ безусловной творческой воли) и этическое (какъ безусловнаго нравственнаго идеала этой воли),—представляютъ, какъ мы видимъ, *знаніе*, необходимо данное мысли вмѣстѣ съ непосредственнымъ знаніемъ его о дѣятельной волѣ, какъ существѣ самого мыслящаго субъекта. И оба опредѣленія неизбѣжно указываютъ мысли въ область внѣ- и сверхопытнаго, трансцендентнаго, хотя оба суть знаніе и естественное, и необходимое, и опытное. Но, указывая на безусловную творческую Волю и безусловный идеалъ ея, это непосредственное и необходимое субстанціальное знаніе остается безъ дальнѣйшихъ опредѣленій указуемаго имъ предмета, пока оно ограничено одними собственными естественными средствами. Это именно потому, что предметъ, указуемый имъ, *трансцендентенъ*, никакихъ опредѣленій, заимствованныхъ изъ внѣшняго-ли или внутренняго опыта, какъ такой, не допускаетъ, а предѣлы опыта и выводовъ изъ него суть и предѣлы всякаго есте-

*) Эти два условія, по ученію церкви, составляютъ *conditio sine qua* поп религіозной вѣры, и *только* эти два. Въ XI гл. (къ Евреямъ), ст. 6, апостоль устанавливаетъ, что «нужно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть, и ищущимъ его воздастъ». Бытіе Бога и Его праведность — вотъ всеобщее, основное и естественное содержаніе богопознанія и вѣры. Откровеніе и религіозное ученіе только далѣе опредѣляютъ и уясняютъ эти истины естественнаго сознанія.

ственного знанія и мышленія. Поэтому-то, оставаясь на почвѣ исключительно своихъ естественныхъ средствъ, предѣлами которыхъ ограничена и метафизика и гносеологія, т.-е. на почвѣ даннаго внѣшняго и внутренняго опыта и законныхъ выводовъ изъ нихъ, мысль въ дѣлѣ своего естественнаго богопознанія уходитъ весьма недалеко. Безусловную творческую Волю она опредѣляетъ лишь *нравственными* свойствами безусловнаго идеала, возведенными въ безконечную степень совершенства нравственными качествами благодати, праведности, мудрости и т. п. На этой ступени естественнаго богопознанія, на которой высшее Существо для мысли ближе опредѣляется почти исключительно только съ *этической* стороны, могутъ оставаться многіе философы, не чуждые вообще религіознаго настроенія, но чуждые того или другаго *опредѣленнаго религіознаго* вѣрованія. Но этого чрезвычайно неопредѣленнаго и только этическаго (сверхъ этическихъ признаковъ высшему Существо можно приписать на этой почвѣ развѣ лишь признакъ *личнаго* существованія, какъ дѣятельной воли) знанія о томъ, что составляетъ самую основу существеннаго въ моемъ собственномъ бытіи, въ моемъ я, для меня, разъ я искренно призналъ эту основу, очевидно, слишкомъ еще недостаточно: мнѣ необходимо полное и болѣе опредѣленное богопознаніе. А естественныхъ средствъ для *опредѣленнаго* знанія о томъ, что мною уже изначала признано за трансцендентное по существу своему, у моей мысли, со всѣмъ ея опытомъ и выводами изъ него, не имѣется! Отсюда—необходимость положительнаго откровенія, дающаго мнѣ такое болѣе опредѣленное и полное знаніе, съ воспріятіемъ котораго собственно только и возникаетъ религіозная вѣра, религія въ собственномъ смыслѣ. Не зная ничего о какой-либо дѣятельной творческой воли, не переходя никогда за границы данныхъ въ опытѣ внѣшнихъ отношеній, въ область трансцендентнаго, критическое, предметное, феноменальное знаніе не знаетъ и положительнаго Откровенія, какъ не знаетъ оно и ничего субстанціальнаго, никакого субъекта.

Не менѣе очевидно, что, если на различное отношеніе мысли къ *воли* сводится существенное различіе знанія феноменальнаго, критическаго и внутренняго, субстанціальнаго (а слѣдовательно и вѣры), по *содержанію* ихъ, то на различное отношеніе воли же къ содержанію познающей мысли сводится и различіе субъективныхъ и формальныхъ условій того и другого рода знанія, мышленія съ увѣренностью въ томъ или другомъ содержаніи. Самая увѣренность въ познанномъ содержаніи въ этихъ двухъ областяхъ знанія (а слѣдовательно и знанія и вѣры) носитъ совершенно различный и несоизмѣримый характеръ. Въ дѣлѣ критическаго, предметнаго знанія эта увѣренность, это согласіе мысли съ мысленнымъ его содержаніемъ *вынуждены* неустрашимой для мысли понудительностью факта, построенія, доказательства, — понудительностью, подчиниться которой мысль вынуждена, разъ она обратилась къ нимъ, и они ей даны, хотя бы она и не хотѣла подчиниться имъ. Примѣры такого только вынужденнаго у мысли, а потому безвольнаго и безстрастнаго, не имѣющаго къ воли нашей и чувству никакого отношенія согласія мысли съ мыслимымъ его содержаніемъ, даны во всякомъ научномъ доказательствѣ и тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ *раціональнѣе*, разсудочнѣе и дальше отъ „вѣры“ область, изъ которой они заимствованы, какова напр. область математики. Измѣнится-ли моя увѣренность въ томъ, что сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ d , или квадратъ $a+b$ равняется $a^2+2ab+b^2$, отъ того, что я страстно *хочу или не хочу*, чтобы такова была сумма внутреннихъ угловъ треугольника или формула помноженія на себя $a+b$? Очевидно, нѣтъ, ибо эта увѣренность — только логическая согласіе мысли, только вынужденное у нея условіями построенія. Воля и чувство здѣсь имѣютъ отношеніе лишь къ согласію или несогласію мысли логически изслѣдовать вообще тотъ или другой предметъ, знать о немъ или не знать доказательно, — но не къ согласію мысли съ результатомъ изслѣдованія, когда этотъ результатъ ею уже построенъ,

а *parte post* *). Это послѣднее согласіе мысли съ содержаніемъ уже логически построенной мысли и безвольно и безстрастно. Рѣшившись разъ быть вполнѣ отчетною, логическою, доказательною, мысль тѣмъ самымъ устраняетъ отъ дѣла своего познаванія всякое вмѣшательство воли и чувства, обязательно относится къ нему въ этой области недоувѣрчиво и отрицательно.

Совершенно иное значеніе воли въ той увѣренности, которая свойственна мысли въ ея знаніи о самой же воли, знаніи субстанціальномъ и единственно непосредственномъ. Здѣсь согласіе мысли съ мыслимымъ содержаніемъ не можетъ быть ни безвольнымъ, ни безстрастнымъ, ни противнымъ самой познаваемой воли, но всегда есть *охотное согласіе*, ибо познающая воля есть въ то же время и познанная воля. Въ этомъ состоитъ *свободный, волевой и страстный* характеръ увѣренности въ сферѣ знанія о субъектѣ, въ отличіе отъ *вынужденной* и безвольной увѣренности предметнаго знанія.

Здѣсь духъ познаетъ себя не изъ внѣшнихъ отношеній, а внутренно, такимъ, каковъ онъ, познающій, дѣйствительно есть, а потому и *свободно*, не по принужденію. Здѣсь область духа, а потому и область свободы (ср. 2 Кор. 3, 14). Свобода этой увѣренности, ея положительно-волевой и страстный характеръ отнюдь не дѣлаютъ ее ни „слѣпой“, ни „пассивной“, какъ склонены представлять дѣло г. Струнниковъ, усердно отрицая противоположеніе вѣры — знанію, какъ пассивной, безотчетной и слѣпой. Мое знаніе о субстанціальномъ, о субъектѣ, о моей собственной дѣятельной, а затѣмъ и о безусловной творческой Воли можетъ быть и совершенно яснымъ и отчетливымъ знаніемъ, вполнѣ „разумно-сознательнымъ убѣжденіемъ“ (Струнниковъ I, 137), не теряя отъ этого признаковъ своей свободы,

---

*) Сомнѣніе, ничѣмъ не ограниченная *пытливость*, составляя необходимыя условія самой работы построения мыслию своего содержанія, здѣсь для мысли обязательны, разъ она *хочетъ* отчетнаго знанія.

вольности и страстности *). Но важно то, что именно *эти послѣдніе* признаки существенны и необходимы въ той увѣренности, которою обладаемъ мы въ знаніи субстанціальномъ, а слѣдовательно и въ вѣрѣ въ собственномъ смыслѣ. Безъ этихъ именно признаковъ увѣренности въ области субстанціального знанія совсѣмъ не существуетъ и вѣры вообще. И только благодаря имъ, этотъ родъ знанія никогда не бываетъ безразличенъ съ *этической* точки зрѣнія, какъ безразлично любое феноменальное знаніе, физическое, химическое и т. п., но всегда имѣетъ *нравственно-доброе или злое* качество и *вмѣняется* той мысли, которая съ нимъ „охотно соглашается“. Охотно соглашаясь съ содержаніемъ знанія о себѣ, познающая воля и мысль *отождествляютъ* себя сами съ этимъ содержаніемъ: если это содержаніе доброе или злое (а тѣмъ или другимъ всегда бываетъ стремленіе воли, хотѣніе), то охотно признавая его, они сами охотно, свободно становятся добрыми или злыми. Нравственно настроенная воля *охотно* признаетъ себя, а слѣдовательно и трансцендентную творческую волю, нравственно совершенную, доброю, злая воля столь же охотно признаетъ и безусловную волю, свое божество, по существу злымъ (какъ напр. въ шаманизмѣ, въ семитическомъ молохизмѣ и т. п.) **). Вотъ почему въ дѣлѣ субстанціального знанія и вѣры воля и страстность не

---

*) Ясное и отчетливое знаніе далеко не то же, что знаніе отчетное, логически строяемое. Я очень ясно и отчетливо знаю мое сколько-нибудь энергическое хотѣніе, но едва-ли хотя одно изъ моихъ хотѣній (особенно глубокихъ и страстныхъ) я могу логически построить, дать въ немъ себѣ полный критическій отчетъ. Непосредственное, субстанціальное знаніе о волѣ именно и есть знаніе, очень ясное и отчетливое, но не логически строяемое, доказуемое, отчетное. Оно — не плодъ сомнѣній испытующей мысли именно потому, что непосредственно. Отсюда ясно, почему неограниченная пытливость, обязательная въ области феноменального знанія, — результата *изслѣдованія*, — въ отношеніи къ предмету вѣры не допускается, а самая «вѣра» такъ часто опредѣляется, какъ знаніе безъ труда изслѣдованія или знаніе безъ и внѣ возможной пытливости. Таково необходимо непосредственное и субстанціальное знаніе о волѣ.

***) Не одни религіозныя вѣрованія свидѣтельствуютъ о добромъ или зломъ настроеніи людей, но и другія ихъ вѣрованія, относящіяся не къ трансцендентному субъекту, но и къ другимъ, окружающимъ ихъ субъектамъ, внутреннимъ, проявляющимся въ природѣ силамъ и т. п.

только законны и умѣстны, но и *существенно-необходимы*, а съ другой стороны—вотъ почему убѣжденія и вѣрованія въ этой области не безразличны нравственно, какъ въ сферѣ критическаго, феноменальнаго знанія, но нравственно *вмѣняются* человѣку, составляютъ всегда *признакъ* нравственнаго качества его собственной воли, его грѣхъ или заслугу. Эти послѣднія двѣ черты, очень существенно характеризующія субстанціальное знаніе и вѣру, рѣшительно признаются не только философіею, но и ученіемъ церкви о вѣрѣ, на сколько это ученіе ясно формулировано.

Самъ г. Струнниковъ *), такъ старательно стремящійся доказать, что вѣра и знаніе по существу тождественны, признаетъ, что „невѣріе вездѣ въ св. Писаніи приписывается свободѣ и жестокосердію или малодушію людей, а не невѣдѣнію“ (I, 132—133). Самъ онъ признаетъ, что „вѣра вмѣняется потому, что она есть добровольное, сознательное принятіе истины“ (стр. 136), потому что *желающій* всегда можетъ убѣдиться разумно и твердо въ истинности вѣры (стр. 135); самъ же приводитъ массу доводовъ и ученій, подтверждающихъ, что невѣріе и вѣра суть дѣло воли, что „расположеніе къ вѣрѣ было необходимымъ условіемъ чудесъ, вѣра была основною цѣлью ихъ“ (I, 72), самъ настаиваетъ на ученіи св. Гр. Богослова о вѣрѣ, какъ „охотномъ согласіи“, на ученіи св. І. Златоуста, поставляющаго нравственную настроенность человѣка посредственно или непосредственно, но всегда причиною невѣрія (II, 72—74 и сл.) и т. д. Какъ же, послѣ всего этого, отрицать существенное различіе между знаніемъ и вѣрою по ихъ субъективнымъ, формальнымъ условіямъ? Или *воля*, столь различно

*) Ссылаемся въ полемикѣ на книгу г. Струнникова, не смотря на то, что ея взглядъ на вѣру и знаніе проводится во множествѣ иностранныхъ, преимущественно протестантскихъ, рационалистическихъ изслѣдованій вопроса,—имѣя въ виду удобства читателя, такъ какъ книга г. Струнникова имѣетъ преимущество легкой доступности. Противоположный ученію г. Струнникова взглядъ на вѣру въ нашей литературѣ проводился славянофилами, которыхъ нашъ авторъ очень не долбилываетъ именно за ихъ признаніе значенія воли и непосредственнаго знанія въ дѣлѣ вѣры.

стоящая въ предметномъ знаніи и въ вѣрѣ, не составляетъ одного изъ такихъ существеннѣйшихъ субъективныхъ условій? Или ея различное положеніе и отношеніе къ предмету мысли въ этихъ двухъ областяхъ не особенно важно *по значенію* своему въ системѣ цѣлаго міровоззрѣнія, цѣлаго строя нашего знанія?

Послѣ всего сказаннаго нами едва-ли необходимо еще настаивать на различіи критическаго предметнаго знанія и субстанціальнаго знанія, съ вѣрою включительно, не только по ихъ содержанію и субъективнымъ условіямъ, но и по ихъ значенію въ цѣломъ строѣ мысли,—различіи, сводящемся къ различному положенію въ этихъ двухъ областяхъ нравственной воли, составляющей наше внутреннее метафизическое и нравственное существо. Нельзя отрицать очень различнаго значенія у этихъ двухъ областей мысли, если предварительно не признать тождественнаго значенія за знаніемъ субстанціальнымъ и феноменальнымъ, знаніемъ вмѣняемымъ и знаніемъ нравственно-безразличнымъ, знаніемъ непосредственнымъ и посредственнымъ, знаніемъ по существу единымъ, общечеловѣческимъ и знаніемъ у всякаго мыслящаго субъекта различнымъ, знаніемъ, положительно и страстно возбуждающимъ волю, ставящимъ ей цѣли и дающимъ направленіе жизни, и знаніемъ, только указывающимъ волю средства и пути осуществленія этихъ цѣлей, только сдерживающимъ и регулирующимъ эту волю! Различія эти на столько глубоки и важны теоретически и практически, что игнорировать ихъ, отрицать или, что то же, смѣшивать эти двѣ области мысли, необходимыя въ цѣлой системѣ, въ одинъ безразличный хаосъ, замѣнять одну другой и т. п.,—совершенно невозможно. Обѣ области — и знаніе предметовъ, единообразій, порядковъ ихъ сосуществованія и послѣдованія, и знаніе о субъектѣ субстанціальномъ и трансцендетномъ — необходимыя части полнаго, не каррикатурно-односторонняго міровоззрѣнія; но это не значитъ еще, чтобы онѣ были равнозначущи для нашей духовной жизни и теоретически, и практически. Очень важно и полезно, конечно,

знать механику или химию, ибо безъ этого нельзя было бы ни строить желѣзныхъ дорогъ, ни лѣчить больныхъ людей или изобрѣтать взрывчатые вещества для того, чтобы ихъ калѣчить; но едва-ли не болѣе важно еще знать человѣку нѣчто и о себѣ самомъ, о томъ, чѣмъ и для чего онъ живетъ, познаетъ и дѣйствуетъ, стремится и волнуется, страдаетъ и надѣется.

П. Астафьевъ.
